

Социальная справедливость и развитие

© Вебер А. Б.

© Veber A.

Социальная справедливость и развитие

Social Justice and Development

Аннотация. Автор доказывает, что социальная справедливость является не препятствием, а неперенным условием экономической эффективности. Неравенство возможностей сдерживает развитие, препятствуя полноценному участию многих в экономической жизни. Крайнее неравенство отрицательно коррелирует с показателями ожидаемой продолжительности жизни, здоровья нации, образовательного уровня, доступности других базовых социальных услуг, ему чаще сопутствуют низкие или отрицательные темпы экономического роста. Эффективное перераспределение общественного продукта повышает продуктивность экономики.

Annotation. The author argues the fact, that social justice is not an obstacle, but the objective condition of economic effectiveness. In high income inequality may not be equal opportunities. Inequality hinders development by preventing full participation of many people in the economic life. Extreme inequality negatively correlates with indicators of life expectancy, health, education, access to other basic social services; it is more often accompanied by low or negative rates of economic growth. Effective redistribution of the social product increases the productivity of the economy.

Ключевые слова. Социальная справедливость, развитие, равенство/неравенство, рыночная система, экономическая эффективность, распределение власти.

Key words. Social justice, development, equality/inequality, the market system, economic efficiency, distribution of power.

Известный идеолог рыночного либерализма (неолиберализма) Фридрих фон Хайек утверждал, что справедливость не может быть разумной целью. Он объяснял свой вывод тем, что социальное развитие по природе своей стихийно и стихийным быть и должно, что его непреднамеренные следствия обнаруживаются лишь *постфактум*, что их невозможно предвидеть. Поэтому значима только *рыночная мораль* — совокупность исторически сложившихся в рыночных отношениях правил поведения, следование которым не служит никаким заранее определенным целям.

Понятие «социальная справедливость» Хайек отвергал, трактуя его как «распределительную» справедливость, как чуть ли не синоним социализма, убежденным противником которого он являлся (при этом принимая за «социализм» его тоталитарные симулякры). Справедливость,

утверждал Хайек, несовместима с основанным на частной собственности рыночным порядком, якобы единственно способным поддерживать существование человечества. Стремление к социальной справедливости он считал бессмысленным, так как, по его мнению, нет и не может существовать иной объективной основы для оценки индивидуального вклада каждого в общественный продукт и соответствующего этому вкладу «вознаграждения», кроме «нравственно нейтрального» рыночного распределения [1. С. 202—205].

Как ни парадоксально, эта позиция теоретика и идеолога неолитерализма разительным образом разошлась со взглядами «отца» классической политэкономии Адама Смита. Тот придавал нравственным ценностям самостоятельное значение, не сводя их к рыночной морали. При этом справедливость А. Смит ставил на *первое* место среди «прочих добродетелей» — как «главную основу общественного устройства», нарушение которой оказывалось чреватым разрушительными последствиями для общества, как обязательную правовую норму, защита которой является одной из главных обязанностей государства [2. С. 61—63; 3. С. 497—498]

Что касается эгоистических побуждений как двигателя коммерческой деятельности, то на мотивы *личного интереса*, полагал Смит, можно положиться постольку, поскольку общество в целом привержено общечеловеческим нравственным ценностям. Он связывал это с принятыми в обществе нравственными ограничениями для поведения людей, налагаемыми не только законом, но и общественным мнением, религией, обычаями, культурой, образованием. В некритическом поклонении богатству Смит видел деструктивное начало, подрывающее «нравственное чувство».

Нравственность, считал Смит, имеет социальную природу, у людей есть *общие интересы*. Тогда как для Хайека общий интерес — лишь проявление *инстинкта*, которому человеку не следовало потакать, предоставляя рынку самому определять «вознаграждение» своих усилий. Между тем, как убедительно доказал другой Нобелевский лауреат по экономике — Кеннет Эрроу, рынок сам по себе не может обеспечить общее благо, поскольку оно не сводимо к сумме индивидуальных благ, доступных в рыночной экономике. Общий интерес требует *ограничения* индивидуальных предпочтений — добровольного или принудительного¹.

* * *

Говоря о *взаимосвязи* справедливости и развития, следует для начала уточнить, что в данном конкретном случае понимается под *справедливостью*. В обыденной жизни справедливость — категория субъективная, оценочная и может по-разному восприниматься индивидами и группами индивидов в разных культурах и разных ситуациях. Применительно

¹ «Теорема Эрроу» гласит: невозможно сведение индивидуальных функций полезности группы независимых и равноправных лиц в общую функцию полезности этой группы (см. Эрроу А. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: Издательский дом ГУВШЭ, 2004).

к развитию общества и экономики уместно придерживаться *объективного критерия* социальной справедливости, имея в виду как минимум: (а) равные стартовые возможности; (б) поддержку обществом тех, чьи возможности достичь желаемых результатов ограничены по независящим от них обстоятельствам.

Неравенство стартовых возможностей и объективно обусловленные различия в жизненных условиях закономерно воспринимаются как *несправедливость*. Проявления неравенства и несправедливости, как и их причины, многообразны. Стартовые возможности людей и условия жизни могут различаться, и очень сильно, — в зависимости от семейного положения, уровня образования родителей, рода их деятельности, местных условий, этнической, расовой и конфессиональной принадлежности, явных и скрытых форм дискриминации и т. п.

Усилению неравенства способствуют несовершенство рынков и неравное распределение власти. Экономическое, политическое и социальное неравенство имеет тенденцию самовоспроизводиться с течением времени и из поколения в поколение. Оно является следствием ограниченного доступа тех или иных групп людей к качественному образованию, медицинским и иным социальным услугам, хронической бедности (так называемая «ловушка бедности») и др. Различия в социальном положении ведут к неравенству в распределении богатства и власти, к расслоению общества, местных общин, разделению наций на господствующие и зависимые.

Процессы *глобализации* привели к увеличению разрыва между крайностями богатства и бедности в мире. Почти половина мирового богатства сосредоточена в руках одного процента имущей верхушки мирового населения, тогда как на долю беднейшей половины приходится менее одного процента общего богатства. Богатейшим 10 процентам населения мира принадлежит 87 процентов мирового богатства. Во многих странах доходы верхнего одного процента граждан в 100 раз превышают средний (медианный) уровень, а в некоторых случаях это может быть и 1000-кратный разрыв [4. Р. 11, 28]. Как отмечалось в специальном докладе для Экономического форума в Давосе, такая концентрация богатства ведет к разрушительным последствиям, подвергая эрозии демократию, подрывая социальную стабильность и заведомо исключая равные возможности для всех [5. Р. 12а, 12b].

Французский экономист Томас Пикетти, сведя и обработав данные о росте концентрации богатства в Европе и США начиная с XVIII века, пришел к выводу, что в настоящее время впору говорить о «потомственном капитализме», когда богатство все больше концентрируется в одних руках и в основном передается по наследству, а не приобретает трудом или заслугами [6]. Сверхвысокие доходы — это, как правило, доходы от собственности (рентные доходы, дивиденды, монопольная прибыль, банковский процент, биржевые спекуляции и т. п.). В этом случае уместно говорить о «незаработанных» (unearned) доходах, источником которых является *непроизводительный* капитал, присваивающий то, что относится к «общим благам» (природные ресурсы,

научные знания, плоды технического прогресса и т. п.² Разительное несоответствие между рыночным распределением и фактическим вкладом производственных факторов служит веским основанием для применения прогрессивного налогообложения, позволяющего в какой-то мере смягчать экономические и социальные издержки сверхбогатства и бедности.

* * *

Согласно неолиберальной доктрине, неравенство позитивно коррелирует с экономическим ростом, поскольку, как утверждается, оно служит незаменимым стимулом индивидуальных усилий, частной инициативы, накопления общественного богатства. Исходя из этого, оправдываются любые, самые высокие индивидуальные доходы, намного превосходящие разумную оценку «личного вклада» тех, кто их получает.

Представление о том, будто между неравенством и продуктивностью экономики существует позитивная связь, распространено довольно широко. Однако убедительных теоретических аргументов в пользу этого предположения нет — как нет и убедительных эмпирических доказательств этого. Хотя исследования взаимосвязи неравенства и экономического развития, предпринятые на Западе, дали неоднозначные результаты [7], все же большинство оценок позволяет заключить, что увеличение равенства в распределении, как правило, создает более благоприятные условия для развития, чем увеличение неравенства [8. С. 187]. Разнобой в оценках объясняется как различиями в подходах исследователей, так и тем, что на эту взаимосвязь влияют подчас разнонаправленные факторы, и поэтому в разных странах и ситуациях она проявляется по-разному.

С неолиберальной точки зрения цели социальной справедливости противоречат целям экономической эффективности. Социальные расходы рассматриваются как бремя для экономики. Однако лежащая в основе этой неолиберальной догмы модель равновесного рынка, как и предположение о совершенной конкуренции, далеки от действительности. Реальный рынок, тем более современный, представляет собой *неравновесную* систему, постоянно воспроизводящую сверхбогатство одних и бедность на противоположном полюсе социума.

Крайнее неравенство отрицательно коррелирует с такими показателями человеческого развития, как ожидаемая продолжительность жизни, здоровье нации, уровень образования. Усиление социального нера-

² «Богатство и доходы финансовых олигархов по большей части не заработаны; поэтому многие из них, если не большинство, — настоящие рантье, или, попросту говоря, паразитические элементы» (Nadel S. N. Super Wealth and Poverty. The Nature and Causes of the Widening Gap between Super Wealth and Poverty in the Developed Countries. Indianapolis: Dog Ear Publishing, 2012. P. 43). Там же см. анализ источников и механизма формирования сверхбогатства (*Ibid.* P. 28—43). Автор этого исследования многие годы возглавлял отдел социальных исследований в Институте мировой экономики и международных отношений РАН. Последние годы жизни провел в США, где и была написана эта книга.

венства в странах Запада, по словам американского историка и эссеиста Тони Джадта, обернулось подрывом межпоколенческой мобильности (бедные остаются бедными), ухудшением состояния здоровья менее обеспеченных, упущенными возможностями получить образование и во все большей мере известными симптомами депрессии: алкоголизмом, пристрастием к азартным играм, преступностью. Чем выше неравенство доходов, тем больше психических заболеваний. И тем больше взаимное недоверие в обществе [9. С. 15–20].

Общества, отличающиеся более высокой степенью равенства, чаще добиваются более высоких темпов экономического роста [10. С. 69–76]. Помимо этого, есть также свидетельства, что там лучше обстоит дело с другими социальными индикаторами — такими, как ожидаемая продолжительность жизни, общие показатели здоровья и благосостояния, уровня преступности и иных форм антисоциального поведения [11, 12]. Такая констатация отнюдь не означает призыва к уравниловке. Между крайним неравенством и уравниловкой есть пространство для представления о естественном, социально приемлемом и «продуктивном» неравенстве.

Неолиберальной модели рынка противостоит социал-демократическая модель. Согласно этой модели, рынок — необходимое, но не единственное средство достижения целей общества. Не менее значимы принципы социальной справедливости и равенства возможностей. А они не могут быть равными при сильном неравенстве в доходах. Структуры неравенства сдерживают способность человека действовать ради собственного и общего блага. Отсюда значение социальной политики государства, которая призвана противостоять дисфункциям рынка. Социальные расходы, особенно по таким статьям, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение и страхование, в современных условиях являются одним из главных факторов развития. В странах с продвинутой системой социального регулирования динамика социальных расходов позитивно коррелирует с показателями экономического развития.

* * *

В экспертном сообществе, вопреки догме неолиберализма, также все более укрепляется понимание значимости принципа социальной справедливости как одного из факторов эффективной политики развития вообще и экономического развития в частности, что среди прочего фиксируется и в докладе Всемирного банка о мировом развитии [13]. Авторы текста, используя обширную базу данных и множество частных исследований, документально показали, как велико значение проблематики справедливости с точки зрения долгосрочных целей развития.

«В условиях несовершенства рынков, — говорится в докладе, — неравенство власти и богатства проявляется в неравенстве возможностей, что ведет к непроизводительному использованию потенциала и неэффективному использованию ресурсов» [13. С. 7]. Исследование привело

экспертов Всемирного банка к принципиально важному выводу: между справедливостью и экономической эффективностью в долгосрочном плане существует *позитивная* связь.

Этому тезису дано емкое и четкое объяснение: «Повышение справедливости означает более эффективное функционирование экономики, нейтрализацию конфликтов и улучшение институтов наряду с динамической выгодой для инвестиций и роста». Поэтому, говорится в докладе, соображения справедливости необходимо «выдвинуть на центральное место, как в социальной диагностике, так и в практической политике» [13. С. 3].

Выводы экспертов Всемирного банка позднее нашли подтверждение в исследовании специалистов Международного валютного фонда, опубликованном в апреле 2014 года. Внимание экономистов, отмечают авторы этого исследования, все больше привлекает связь между растущим неравенством и хрупкостью экономического роста. Общим местом стало понимание, что неравенство тормозит прогресс в области здравоохранения и образования, порождает нестабильность, чреватую снижением инвестиционной активности, подрывает социальный консенсус, необходимый для адаптации к шокам, и тем самым имеет тенденцию сокращать темпы и длительность экономического роста.

Авторы этого исследования пошли дальше: они задались вопросом о том, какое влияние оказывает на рост *перераспределение* общественного продукта. Неравенство требует какого-то перераспределения, а высокие налоги, как считается, могут тормозить рост. Но можно ли признать это за общее правило? Чтобы ответить на этот вопрос, авторы разложили неравенство на рыночное (до вычета налогов и социальных трансферов) и «чистое» (после вычета налогов и трансферов), что позволило на основе большого массива статистических данных, по многим странам и за достаточно длительный период, оценить влияние перераспределения на рост экономики.

Результаты привели к выводам:

- при большем неравенстве наблюдается тенденция к большему перераспределению;
- меньший уровень «чистого» неравенства жестко коррелирует с более быстрым и более длительным ростом;
- в целом перераспределение (за исключением крайних случаев) благоприятствует росту [14].

Тема неравенства и его последствий привлекает все большее внимание общественного мнения на Западе. Известное рейтинговое агентство Standart & Poor's в отчете, опубликованном в августе 2014 года, констатировало: высокий уровень неравенства доходов *душит экономический рост*. Как отмечает репортер газеты The New York Times, «то, что Standart & Poor's... бьет тревогу по поводу рисков, возникающих из-за неравенства доходов, это слабый, но важный сигнал о том, что дебаты, характерные в основном для академического мира и левоцентристских политических кругов, проникают в мейнстрим» [15].

* * *

Сверхконцентрация богатства деформирует политические системы, претендующие называться либерально-демократическими. Прямое или косвенное влияние на органы законодательной и исполнительной власти позволяет так называемым элитам защищать свои особые интересы, используя возможности, которые даются богатством и властью — экономической и политической. При высоком уровне экономического и политического неравенства богатые получают неоправданные преимущества в ущерб всем остальным. Личные и имущественные права обеспечиваются избирательно, бюджетные ассигнования выделяются с существенным перевесом в пользу тех, кто обладает большим влиянием, но далеко не всегда приводит к их использованию наиболее эффективным образом; они же пользуются предпочтением при распределении общественных услуг, в то время как таланты средних и беднейших групп остаются невостребованными. Тем самым упускаются возможности для инноваций и инвестиций, общество оказывается менее эффективным, чем оно могло бы быть.

Сверхконцентрация богатства деформирует политические системы, претендующие называться либерально-демократическими. Прямое или косвенное влияние на органы законодательной и исполнительной власти позволяет так называемым элитам защищать свои особые интересы, используя возможности, которые даются богатством и властью — экономической и политической.

Утверждение принципа социальной справедливости предполагает более справедливое распределение политической власти. Поэтому государственная политика, если она на деле привержена целям социальной справедливости, должна быть направлена на выравнивание «игрового поля» — на то, чтобы все граждане на деле могли использовать право «голоса» в политическом процессе и оказывать реальное влияние на политическую повестку дня. Для этого надо прежде всего устранять неравенство в доступе к образованию, здравоохранению, информации, к другим общественным услугам. А это предполагает эффективную политику содействия формированию человеческого капитала, увеличение инвестиций в человеческие ресурсы менее обеспеченных слоев. Такая политика неизбежно сталкивается с сопротивлением влиятельных привилегированных групп, и оно должно встречать противодействие на политическом уровне. А это требует выравнивания внутривнутриполитического «игрового поля».

Эффективная социальная политика государства — это не только социальное страхование, поддержка незащищенных групп населения, содействие увеличению занятости и т. п. Она имеет и более глубокий смысл — порождать чувство солидарности и социальной справедливости. Без этого демократические общества будут расшатываться борьбой в сфере распределения, что поставит под угрозу экономическую стабильность и возможность процветания для всех.

* * *

Принцип социальной справедливости крайне важен и в приложении к такой чувствительной сфере, как *рынок труда*. Защита прав трудящихся, правовое регулирование рынка труда стали признанной практикой, закрепленной в международном праве. Произошло это не само по себе. За более справедливые условия найма и вознаграждения труда трудящимся приходилось бороться многие годы. Создание профсоюзов и рабочих партий, забастовочное движение заставили в конечном счете считаться с правами трудящихся.

В свою очередь, вековые социальные завоевания стимулировали технический прогресс, способствовали повышению мотивации к труду, росту производства и массового потребления, социально-экономическому развитию в целом. История промышленного капитализма знает немало примеров технических изобретений и усовершенствований, сделанных непосредственно под влиянием забастовок, распространения технических нововведений вследствие сопротивления наемных рабочих чрезмерной эксплуатации. На каком-то этапе стремление избежать издержек конфронтации побудило представителей труда и капитала искать компромиссные подходы, что положило начало практике социального партнерства.

Исследования трудовых отношений, проводившиеся в США в 1970—1980-е годы учеными Гарвардской школы (в противовес приверженной неолиберализму Чикагской школе), выявили позитивную корреляцию между степенью юнионизации и эффективностью производства. Объяснить это явление можно демократической природой профсоюзов, их ролью как выразителя коллективного мнения трудящихся. Присутствие профсоюза и коллективно-договорная система вынуждают администрацию реагировать усилением внимания к методам и организации производства, способствуют улучшению социального климата в производственных коллективах, уменьшению текучести рабочей силы, стабильности кадров.

Практика показывает, что при прочих равных условиях эффективность производства обычно выше там, где работники обладают правом голоса, где к ним прислушиваются, где с ними считаются и где легче тем самым достигается урегулирование трудовых споров. Благодаря феномену юнионизма в трудовом процессе реализуются скрытые под частнопредпринимательской оболочкой элементы непосредственно общественных отношений в производстве и, следовательно, полнее выявляются потенции общественного труда.

Важнейшая роль в регулировании рынка труда и трудовых отношений принадлежит государству. Такое регулирование подразумевает меры, призванные обеспечивать реальное применение основных, международно признанных трудовых стандартов. Принцип социальной справедливости требует, чтобы наемным работникам были гарантированы свобода собраний и объединений, а их профессиональным союзам — активная роль при заключении коллективных договоров, включая право на забастовку, — этого крайнего, но естественного и необходимого в рыночных условиях способа защиты прав трудящихся.

* * *

Принцип социальной справедливости приобрел особое значение в отношениях с развивающимися странами, то есть в мировом масштабе. Главное здесь — проблема *массовой нищеты*, громадные масштабы глобального неравенства, структурные проблемы, затрудняющие преодоление унаследованной от прошлого отсталости.

Глобализация, порождая усиление глобального неравенства, одновременно создает и новые возможности для развития, для сокращения межстранового неравенства. Как используются эти возможности — вопрос политики. Необходимы согласованные действия со стороны как национальных государств, так и международных институтов, направленные на повышение справедливости в мировом масштабе.

Опыт многих стран свидетельствует о том, что чрезмерное неравенство не неизбежно. Сокращение бедности — трудная, но решаемая задача. Растет понимание, что необходимым условием ее решения является создание или расширение возможностей социального и человеческого развития. Принцип социальной справедливости — одно из главных слагаемых эффективной политики развития вообще и экономического — в частности.

Активная роль государства — неременное условие достижения позитивных результатов в борьбе с бедностью. И прежде всего в силу той роли, которую оно играет в распределении национального дохода. Политика распределения дохода имеет едва ли не решающее значение с точки зрения перспектив. Упрощая, можно сказать, что сокращение бедности является функцией двух переменных: темпов экономического роста и доли прироста, достигающей малообеспеченным слоям населения.

Политика, позволяющая трансформировать рост в снижение бедности в развивающихся странах, включает множество слагаемых — таких, как содействие развитию социальной инфраструктуры в сельской местности (школы, медицинские учреждения, электроснабжение, транспортные и иные коммуникации), земельные реформы в интересах крестьян, фермеров, устранение социальных барьеров, культурной исключенности (эксклюзии), различных форм дискриминации. А также — повышение социального статуса женщин, микрокредитование для беднейших слоев населения, улучшение функционирования административных учреждений, в том числе местных органов власти, борьба с коррупцией, укрепление законности, правопорядка.

Страны, находящиеся в менее благоприятном положении с точки зрения наделенности ресурсами, доступа к рынкам капитала, к внешним рынкам, нуждаются в международной помощи. Особенно беднейшие, наименее развитые страны. Многие из них страдают от нищеты не по своей вине, а по независящим от них причинам: из-за невыгодности географического положения, тяжелых климатических условий, скудости природных ресурсов, непреодоленного наследия колониализма и уязвимого положения в системе мировой торговли.

В 2000 году Генеральная Ассамблея ООН при участии многих мировых лидеров одобрила Цели развития тысячелетия, которые предусматривали конкретные количественные показатели сокращения бедности в мире. Речь шла, прежде всего, о снижении к 2015 году вдвое (по сравнению с 1990 годом) доли людей, живущих в нищете (на 1,25 доллара в день), и вдвое же — доли людей, страдающих от голода. Согласно данным ООН, первую задачу удалось выполнить к 2010 году. Доля систематически голодающих тоже сократилась, но не в такой степени, чтобы можно было говорить об успехе. Да и сами эти успехи относительны: до ликвидации нищеты и голода в мире еще далеко.

Предоставление международной помощи для целей развития — не только вопрос справедливости, но и задача, которая отвечает интересам богатых стран, всего мирового сообщества. Особая ответственность лежит на богатых странах, которые во многом обязаны своим благополучием использованию в прошлом и по настоящее время природных и человеческих ресурсов остального мира. Богатые страны могут и должны делать гораздо больше, чем сейчас, для снижения уровня бедности в мире.

На протяжении десятилетий индустриально развитые страны последовательно улучшали условия торговли теми товарами, в производстве которых имели явное преимущество, и в то же время ограничивали доступ на свои рынки для всех остальных. Существующий режим международной торговли и сейчас во многом ущемляет интересы развивающихся стран (скрытый протекционизм). Решению проблем бедности могли бы способствовать более справедливые и честные правила торговли.

* * *

Известна традиционная приверженность *россиян* принципу справедливости как моральной ценности. Навязанный России реформаторами «ельцинского призыва» выбор в пользу праволиберального, неоконсервативного курса шел вразрез с этой парадигмой. Идеологи рыночных реформ начала 1990-х годов намеревались добиться слома отечественного культурно-нравственного кода, что, в частности, получило отражение в максиме «что эффективно, то и нравственно». Щеголять такого рода моральным релятивизмом на рыночной подкладке стало чуть ли не правилом хорошего тона. Реформаторы решили, что рынок освобождает от социальной совести, от коллективистских нравственных норм, что он выработает свою мораль, более полезную с точки зрения практики. Говорилось о том, что социальная дифференциация благотворна, что

социальная справедливость — это химера, и не надо запрещать чиновникам заниматься коммерческой деятельностью и т. п.

Многие известные экономисты — отечественные и зарубежные, в том числе американские (включая ряд нобелевских лауреатов по экономике), — предостерегали от «шоковой терапии» [16]³. Но российские ультралибералы к ним не прислушались. Их «героями дня» стали Хайек и Фридмен, Тэтчер и Рейган, а символом веры — «свободный рынок». За образец была взята американская модель — она привлекла своей резко выраженной индивидуалистической направленностью и (как казалось) минимальным вмешательством государства. На страницах издававшейся одно время в качестве приложения к «Известиям» газеты «Частная собственность» замысел был изложен откровенно и цинично: «Закладываются условия для создания действительно новой России, опирающейся на *господство* новых крупных собственников, которые, исходя из *своих* политических, экономических и социальных интересов, будут выстраивать *собственную* стратегию развития страны (курсив мой. — А. В.)» [17].

За короткий по историческим меркам срок Россия выдвинулась на «передовые» позиции по числу миллионеров и миллиардеров. Большинство российских нуворишей обязаны своим сказочным обогащением открывшейся благодаря хаотической и жульнической приватизации возможности в той или иной форме получить контроль над сырьевыми ресурсами страны и другими производственными активами. Экономика разделилась на два неравных сектора: сырьевой (нефть, газ, металлы и пр.), где доходы и заработки оказались намного выше среднего уровня, и отодвинутые на задний план остальные отрасли промышленности.

Общее неравенство доходов, детерминированное неравенством прибылей от собственности и предпринимательской деятельности, обусловило и неравенство в оплате труда как в отдельных регионах, так и между ними. В начале нулевых годов заработки 10 процентов наиболее высоко оплачиваемых работников в 39 раз превысили заработки низших 10 процентов. На верхний дециль приходилось 36 процентов всего фонда оплаты труда, на верхний квинтиль (20 процентов) — более половины (52,5 процента). В региональном разрезе на 100 рублей прироста валового продукта прирост у беднейшей группы составлял 5 рублей, у верхнего дециля — 200 рублей [18. С. 22—23].

Однобокая экспортно-сырьевая направленность экономического развития обернулась торможением роста реального сектора, что привело в конечном счете к стагнации экономики в целом. Частные капиталы вкладывались в дорогую недвижимость, в том числе зарубежную, в предметы роскоши, растрачивались на самые экстравагантные прихоти «новых русских», уходили в оффшоры — вместо того чтобы использоваться для наращивания производственных инвестиций. Жажда личного обогащения овладела и значительной частью чиновников различного ран-

³ Подтверждением этого стало также заявление российских и американских экономистов «Новая экономическая политика для России», которое подписали, в частности, три нобелевских лауреата — Лоуренс Клейн, Василий Леонтьев и Джеймс Тобин (см. Независимая газета. 01.07.1996).

га; необузданная коррупция стала еще одним сдерживающим фактором социально-экономического развития. В стране доходы от собственности превысили доходы от предпринимательской деятельности, причем больше всего в группе с самыми высокими доходами. Спрос на товары длительного пользования сконцентрировался в верхних 20 процентах получателей доходов [18. С. 30].

Все это (наряду с другими причинами) вело к искусственному сужению внутреннего спроса, ограничению доступных реальному сектору инвестиций, неоправданному разрастанию импорта — в ущерб отечественным производителям. Уменьшить разрыв в доходах можно было бы, используя хорошо известные из западноевропейской практики методы налоговой политики. Но этого не делалось⁴. Напротив, политика властей фактически стимулировала формирование сверхбогатства и имущественное расслоение (в частности, благодаря плоской шкале налогообложения).

Несмотря на сохранение остатков прежней системы социальных гарантий, у большинства россиян сложившийся порядок вещей вызывает ощущение *несправедливости*. Крайнее неравенство и несправедливое обогащение многих возмущают. Это никак не может способствовать повышению продуктивности экономики. Лозунг экономической эффективности не выглядит достаточно убедительным, когда люди видят, какая непропорционально большая доля общественного продукта присваивается теми, кто контролирует природные, материальные и финансовые ресурсы общества. То же самое можно отнести к лозунгу «национальной солидарности», выдвигаемому Русским православным народным собором.

Нарушением принципа справедливости является ущемление права трудящихся на коллективную защиту своих интересов. Трудовой кодекс РФ отличается заметным перекосом в пользу интересов работодателей, отдавая предпочтение индивидуальному трудовому договору перед коллективным. Предписываемые им формальные условия и процедуры делают крайне затруднительным, если не невозможным, проведение законной забастовки. Неоднократно предпринимались попытки ужесточить касающиеся этого предмета положения Трудового кодекса в пользу работодателей.

Одно из следствий заведомо слабых позиций наемного труда в России — заниженная доля заработной платы в национальном доходе (и непомерно высокая — доходов крупных собственников и топ-менеджеров), низкий уровень мотивации, а следовательно — и производительности труда. В 2007 году группа известных российских специалистов в области социологии труда и трудовых отношений (В. А. Ядов и др.) обратилась к властям с призывом обратить внимание на сложившуюся в стране ненормальную ситуацию с правовым регулированием трудовых конфликтов. Но это обращение осталось без последствий.

⁴ Подробнее об опыте государственной политики перераспределения доходов в странах Запада см. **Бурджалов Ф.** Экономическая роль социальной деятельности государства. С. 70–94.

Позднее, в 2009 году, представители профсоюзов попытались оспорить в Конституционном суде норму Трудового кодекса, согласно которой неосвобожденных профсоюзных лидеров можно увольнять за любое нарушение, что открывает простор для произвола со стороны работодателей, особенно в отношении действительно независимых профсоюзов, не входящих в ФНПР. Однако Конституционный суд признал эту норму вполне законной. Но спустя год Россия ратифицировала Конвенцию МОТ № 135 о защите права на объединение, где предусмотрен особый порядок увольнения руководителей профсоюзов — только по решению суда. Тем самым постановление КС должно было утратить силу. Тем не менее ничего не изменилось. В 2014 году думская фракция эсэров, отвечая на обращения профсоюзных деятелей, подготовила и внесла законопроект в защиту права профсоюзов на коллективный договор и коллективный трудовой спор. «В существующих законодательных условиях, — говорилось в пояснительной записке к законопроекту, — работник лишен возможности получать справедливое вознаграждение за труд, что, в свою очередь, ведет к искусственному сужению рынка сбыта» [19].

Даже вполне лояльный к властям председатель ФНПР Михаил Шмаков, реагируя на недовольство своего профсоюзного актива, вынужден время от времени выступать с критикой в адрес предпринимателей и правительства. Так, на VII съезде ФНПР (январь 2011 года) он в довольно жесткой форме предупредил о серьезных последствиях, к которым могла бы привести исходившая от Российского союза промышленников и предпринимателей идея отменить в России положение о 8-часовом рабочем дне. На IX съезде ФНПР (февраль 2015 года) Шмаков подверг критике экономическую политику правительства за приверженность «ультралиберальному фундаментализму». Он, в частности, сказал, что «система распределения доходов и расходов в сегодняшней России откровенно несправедлива» [20].

Социальные гарантии, соблюдение профсоюзных прав и свобод, прав трудовых коллективов — одно из важнейших условий, позволяющих людям обрести большую уверенность, избавиться от опасений за свое будущее, мотивирующих на достижение больших результатов на рабочем месте. Проблема с ФНПР в том, что это профсоюзное объединение слишком тесно связано с правящими кругами, выступая фактически в качестве «приводного ремня» партии власти. Если бы это был более самостоятельный и сильный профсоюзный центр, то промышленники были бы больше заинтересованы в технологической модернизации производства, чтобы тем самым получить возможность удовлетворять требования более справедливой оплаты труда.

Долгосрочные цели национального развития требуют мобилизации всех духовных ресурсов общества. Речь идет о той неуловимой, трудно определяемой субстанции, которую принято называть «духом народа». Эффективная стратегия национального развития должна учитывать не только готовность народа противостоять внешним угрозам, но и свойственное большинству людей стремление к благополучию, счастью и, не в последнюю очередь, к социальной справедливости.

Литература

1. **Фон Хайек Ф. А.** Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма : пер. с англ. М.: Новости, 1992.
2. **Смит А.** Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
3. **Смит А.** Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.
4. Global Wealth Report 2014. — <https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=60931FDE-A2D2-F568-B041B58C5EA591A4>
5. Outlook on the Global Agenda 2014. — www.weforum.org/reports/outlook-global-agenda-2014
6. **Picketty T.** Capital in the Twenty-First Century. Cambridge (Mass.); L.: Harvard University Press, 2014 (впервые издано во Франции в 2013 году).
7. **Шевяков А. Ю., Кирута А. Я.** Измерение экономического неравенства. М., 2002. С. 53—65.
8. **Бурджалов Ф.** Экономическая роль социальной деятельности государства. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
9. **Judt T.** Ill Fares the Land. A Treatise On Our Present Discontents. L.: Penguin Books, 2011.
10. **Вебер А.** Неравенство и развитие // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике. М.: Горбачев-Фонд, 2005. С. 69—76.
11. Paying for Inequality: The Economic Cost of Social Injustice / A. Glyn, D. Miliband (eds). L.: Rivers Oram/ippr., 1994.
12. **Wilkinson R., Pickett K.** The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. L.: Allen Lane, 2009.
13. Доклад о мировом развитии 2006 года. Справедливость и развитие. М.: Весь мир, 2006.
14. **Ostry J. D., Berg A., Tsangarides Ch. G.** International Monetary Fund. Research Department. Redistribution, Inequality and Growth. Authorized for Distribution by O. Blanchard. Executive Summary. February 2014. — www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2014/sdn1402.pdf
15. The New York Times. 05.08.2014.
16. Реформы глазами американских и российских ученых. М., 1996.
17. Частная собственность (приложение к «Известиям»). 23.06.1993.
18. **Шевяков А. Ю.** Бедность, неравенство и экономический рост // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике.
19. Интервью с первым заместителем руководителя фракции «Справедливой России» в Госдуме Михаилом Емельяновым // Независимая газета. 14.11.2014.
20. Независимая газета. 09.02.2015. ◆